

## За 38 лѣтъ.

Отрывки изъ неизданныхъ воспоминаній: посвящаются памяти

Милія Алексѣевича Балакирева.

### II <sup>1)</sup>.

**В**торично я снова увидѣла „его“ издали. На этотъ разъ изъ оконъ нашей квартиры. Онъ переѣзжалъ на яликѣ Фонтанку. Я подозвала къ окнамъ моихъ маленькихъ дочерей, знавшихъ его по моимъ рассказамъ, и показала имъ его. Онъ былъ въ такомъ же, какъ раньше, но болѣе новомъ, лучшемъ пальто и въ своей традиціонной суконной шапочкѣ.

Мигъ... и онъ вышелъ на набережную и скрылся изъ нашихъ глазъ.

Черезъ нѣсколько дней, возвратясь изъ Аничкова Дворца, гдѣ былъ пріемъ у Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, одинъ изъ моихъ друзей передалъ мнѣ, что видѣлъ Балакирева на пріемѣ, познакомился съ нимъ, рассказалъ ему, гдѣ я живу, и даже пригласилъ Милія Алексѣевича навѣстить меня.

— Онъ, вѣрно, завтра будетъ у васъ,—сказалъ мнѣ мой знакомый, и, дѣйствительно, на слѣдующій день я кончала завтракать, когда послышался звонокъ, и лакей доложилъ о Миліи Алексѣевичѣ.

Я вышла въ гостиную и черезъ нѣсколько секундъ услышала скрипъ шаговъ, не прежнихъ, знакомыхъ мнѣ, быстрыхъ и стремительныхъ, а старческихъ, хотя все еще скорыхъ.

Черезъ мгновенье—онъ держалъ мою руку въ обѣихъ своихъ и цѣловалъ ее (чего раньше никогда не дѣлалъ), какъ онъ цѣ-

<sup>1)</sup> См. „Русская Старина“, октябрь 1913 г.

ловалъ руку маленькой Нанинѣ и другимъ немолодымъ дамамъ... И, также какъ и имъ, заглядывалъ въ мое лицо.

Я отвѣчала ему поцѣлуемъ въ лобъ (чего тоже раньше никогда не дѣлала), и мы сѣли и стали бесѣдовать.

Послѣ долгой разлуки—всегда трудно бываетъ вести задушевный разговоръ. Кромѣ того я говорила уже раньше, что простыхъ, житейскихъ разговоровъ у меня съ Миліемъ Алексѣвичемъ никогда не бывало, и теперь я чувствовала себя... въ мундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы.

Но мало-по-малу я, коротко отвѣчая на его вопросы, рассказала ему все, что онъ желалъ знать, услышала замѣчанія и отвѣты, показала ему моихъ дѣтей... и еще яснѣе, чѣмъ въ первый разъ, почувствовала, что „что-то“ не то, что „что-то“ не прежнее...

И да... даже глаза его погасли, были уже не тѣ...

Вообще онъ показался мнѣ такимъ, какъ кажется садъ, паркъ или домъ, оставшійся въ воспоминаніи громаднымъ,—когда человѣкъ видитъ его много лѣтъ спустя: нѣтъ той величины, нѣтъ той необозримости, той вышины, таинственности и красоты!..

Слава Богу, это впечатлѣніе длилось лишь до того времени, когда Милій Алексѣвичъ сталъ бесѣдовать о духовныхъ, музыкальныхъ, политическихъ и вообще высокихъ предметахъ. Тогда я узнала моего великаго, дорогого учителя...

Но въ это первое наше свиданіе я дѣйствительно почувствовала, что я не только доросла до моего, казавшагося мнѣ раньше недосыгаемымъ, стараго друга, но въ житейскомъ опытѣ, но въ оцѣнкѣ, если не всѣхъ, то многихъ людей и фактовъ, я переросла его.

И это сознаніе осталось уже во мнѣ навсегда. Оно же дружески сблизило меня съ Балакиревымъ и дало поводъ и къ простымъ разговорамъ, и къ перепискѣ.

Уходя отъ меня послѣ перваго свиданія, Милій Алексѣвичъ сказалъ мнѣ: „я къ вамъ скоро-съ заверну вечеркомъ“, и дѣйствительно онъ не только „скоро-съ“ завернулъ разъ, но сталъ приходить довольно часто и всякій разъ „угощалъ“, по его выраженію, меня и моихъ друзей музыкой.

А мы сидѣли и съ восторгомъ, чуть дыша, слушали его.

Я, впрочемъ, уже критически относилась къ его игрѣ, помня какъ онъ игралъ раньше, и сравнивая его и съ нимъ самимъ и съ другими великими піанистами. Но мои друзья, которые никогда не слышали его, приходили отъ его игры въ тотъ вос-

торгъ, въ то глубокое волненіе, которое вызываетъ у музыкальныхъ натуръ—слезы.

И я съ радостью наблюдала за этими слезами.

Въ свѣтскомъ кругу имя Балакирева было (да и есть) мало извѣстно. О немъ еще слышали, какъ о композиторѣ; съ улыбкой вспоминаютъ: „да!... Онъ глава могучей кучки!...“ Но какъ фортепіаннаго исполнителя его не только не ставятъ рядомъ съ братьями Рубинштейнами и другими великими виртуозами, но какъ-то совсѣмъ никуда не ставятъ, не знаютъ даже, что онъ былъ,—какъ выразался П. И. Чайковскій, „превосходный піанистъ“.

Не знали этого и мои друзья и друзья, моихъ друзей, какъ не знали они и того, что Милій Алексѣевичъ особенный человекъ по уму, духу и развитію.

Такъ, разъ я услышала отъ одной дамы, часто видѣвшей его при дворѣ Государя Александра III, что онъ ей не нравится, что онъ ханжа. Мнѣніе это было составлено ею на основаніи того, что на первое же приглашеніе къ высочайшему завтраку Балакиревъ отвѣчалъ отказомъ, сказавъ, что онъ скромнаго не ѣсть.

Отвѣтъ этотъ всѣмъ тогда при дворѣ показался дикимъ, страннымъ, какой-то позой... Но я (гораздо позднѣе), узнавъ этотъ отвѣтъ, какъ могла, горячо заступилась передъ моею знакомой за Балакирева.

Онъ... и поза—это были двѣ взаимно исключаются противоположности.

Страшно самолюбивый, невольно чувствовавшій свое превосходство надъ большинствомъ людей не только въ музыкальномъ, но и во всякомъ отношеніи,—Балакиревъ въ противоположность гр. Л. Н. Толстому никогда не „эволюционировалъ“. Въ музыкальномъ смыслѣ онъ, какъ родился, такъ и остался на той же дорогѣ, не уклоняясь ни на іоту ни вправо, ни влѣво, только развиваясь, только расширяя свои горизонты, свой „бывшій ключемъ талантъ“, не зная ни колебаній, ни сомнѣній, не останавливаясь ни передъ какими препонами: недоброжелательствомъ, ложно или плохо-понимаемымъ классицизмомъ и пр., безъ словъ чувствуя одно: „ты самъ свой вышій судъ. Всѣхъ лучше оцѣнить умѣешь ты свой трудъ: ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ? Доволенъ, такъ пускай... и т. д.“

И онъ дѣйствительно былъ и (къ себѣ и къ другимъ) взыскателемъ, какъ никто, и цѣнитель, какъ мало кто. Въ немъ



точно была, если можно такъ выразиться, музыкальная совѣсть, музыкальный магнитъ, безошибочно указывающій путь.

То же было и въ религіозномъ, и въ философско-нравственномъ отношеніи, но тутъ путь открылся не сразу, не шатаньемъ, не исканіемъ, не эволюціонированьемъ, а бурной революціей, раздавившей древняго человѣка, обезглавившей множество прежнихъ идей, понятій, представленій, убившей одинъ міръ, одно міросозерцаніе и родившей новый міръ, царство не отъ міра сего.

Съ этой-то минуты Балакиревъ и сталъ многимъ казаться безумнымъ (...„для эллиновъ же безуміе...“), но поступиться своимъ сокровищемъ онъ уже не могъ ни для кого въ мірѣ.

Это сознаніе, это рожденіе отъ Духа и заставило его отвѣтить отказомъ на приглашеніе къ высочайшему завтраку.

Государь Александръ III понялъ цѣльность натуры Балакирева и приказалъ, чтобы для Балакирева къ высочайшему завтраку всегда подавались отдѣльныя, постныя блюда.

Такъ это впредь и дѣлалось.

Тутъ невольно мнѣ припоминается одинъ случай съ Миліемъ Алексѣевичемъ, когда мнѣ было лѣтъ 16. Мы жили тогда часть лѣта въ Павловскѣ, и разъ въ недѣлю Балакиревъ пріѣзжалъ ко мнѣ на урокъ.

Пріѣзжалъ онъ по вторникамъ, часамъ къ 11-ти, давалъ урокъ и тотчасъ уходилъ, сѣвша на поѣздъ. Какъ ни предлагали мы ему остаться завтракать, какъ между собой ни жалѣли, что онъ долженъ быть голоденъ,—онъ наотрѣзъ отказывался и только говорилъ: „вотъ стаканчикъ чая-съ я выпью съ удовольствіемъ, а больше-съ ничего не надо... Ничего-съ!..“.

Онъ цѣловалъ руку моей матери, если она предлагала ему остаться, и или тотчасъ, торопясь, уходилъ или, если это было во время урока, обращался ко мнѣ: „ну-съ, начните еще отсюда...“.

Однажды отецъ мой, встрѣтившись съ нимъ на вокзалѣ, заручился всеже его согласіемъ позавтракать у насъ въ слѣдующій разъ, причемъ обѣщалъ, что для него все будутъ постныя блюда.

За этимъ завтракомъ мы узнали, что Милій Алексѣевичъ постится не только по средамъ и пятницамъ, какъ мы думали, но постится всегда, т.-е. никогда не ѣстъ никакого мяса.

Кто-то (не помню кто) спросилъ:

— Отчего?.. Вы считаете это... вреднымъ, или просто такъ?..

— Нѣтъ-съ... Я не выношу мяса!..—послѣ короткой записки,

(такъ мнѣ тогда показалось) отвѣчалъ Балакиревъ.— Оно мнѣ не полезно-сь. У меня всегда тошнота послѣ него...

— А супы?—спросилъ отецъ.

— И супы никогда не ѣмъ. Вотъ уху или грибной бульонъ... А мясо не люблю-сь.

Стали говорить объ идіосинкразіи, и разговоръ замотался и перешелъ на что-то другое.

Прошло нѣсколько недѣль, и нѣсколько разъ Балакиревъ завтракалъ у насъ. Любимыми его блюдами тогда былъ картофель во всѣхъ видахъ и наръзанные ломтиками огурцы. И вдругъ разъ онъ измѣнилъ часъ урока, пріѣхалъ позднѣе и остался обѣдать.

Намъ всѣмъ подали супъ—грибную похлебку, и такъ какъ я знала, что она всегда дѣлается у насъ на мясномъ бульонѣ, какъ только лакей внесъ миску, я ахнула и хотѣла предупредить Милія Алексѣевича, чтобы онъ не ѣлъ ее, но только открыла ротъ, какъ отецъ строгимъ взглядомъ остановилъ меня.

Послѣ закуски за обѣдомъ Балакиревъ спросилъ: „а кто у васъ готовитъ?“ и узнавъ, что поваръ, похвалилъ его.

— Знаете-сь, онъ прекрасно-сь готовитъ. Вотъ эту похлебку это рѣдко-сь... Да, можетъ быть она скромная?..—прервалъ онъ самъ себя и съ серьезнымъ, тревожнымъ вопросомъ въ глазахъ взглянулъ на отца, но... но отецъ сталъ „ротиться и клястися“, какъ я это называла, что она на рыбномъ бульонѣ!..

Никакой тошноты, никакого недомоганья у Милія Алексѣевича не произошло (онъ долго сидѣлъ у насъ въ этотъ вечеръ), но мнѣ было непріятно, и также, я знала, было непріятно моей матери, что у насъ въ домѣ его обманули, обманули его довѣріе, заставили его нарушить его обѣтъ. Отецъ же, наоборотъ, когда онъ уѣхалъ, добродушно смѣялся и вспоминалъ про какого-то архіерея, которому понравилась гдѣ-то, какая-то уха, какъ дѣлать которую владыка послалъ узнавать своего повара; какъ поваръ этотъ доложилъ владыкѣ, что уха на рябчичьемъ бульонѣ, а владыка отвѣтилъ ему: „я посылаю тебя учиться дѣлать уху, какъ мнѣ нравится, а не рассказывать мнѣ, изъ чего она дѣлается“...

Но рассказы эти меня не утѣшали, и на сердцѣ лежалъ камень.

Между тѣмъ Милій Алексѣевичъ, должно быть, что-то почувствовалъ, о чемъ-то догадался, потому-что никогда уже не захотѣлъ больше у насъ ѣсть суповъ.

. . . . .

Въ первые раза, приходя теперь ко мнѣ по вечерамъ, Балакиревъ исключительно игралъ для меня и двухъ самыхъ близкихъ моихъ друзей, не считая моихъ маленькихъ дочерей и ихъ гувернантокъ. Игралъ онъ на моемъ Стейнвейѣ (Steinway), но Стейнвей былъ уже старъ, вдобавокъ совершилъ моремъ, кругомъ Европы, путешествіе на Кавказъ, во время путешествіе простудился... Дѣка его треснула, и онъ хрипѣлъ и гнусавилъ, а нижнія ноты его гудѣли.

Первый разъ, подойдя къ нему и стоя, не садясь, попробовавъ его, Милій Алексѣевичъ, улыбаясь, спросилъ:

— Это вашъ прежній?

И, узнавъ, что да, прежній, что я не смѣю даже просить сыграть на немъ, онъ, продолжая улыбаться, сказалъ: „нѣтъ, я что-нибудь попробую сыграть“. И дѣйствительно сыгралъ с-dur'ную Бетховенскую сонату, которую мы съ нимъ когда-то играли.

Такъ продолжалось раза два-три, т.-е. то, что онъ игралъ на Стейнвейѣ, но на второй или третій разъ онъ, откашливаясь, сказалъ; „знаете-съ, что?.. Я хотѣлъ бы вамъ сыграть Шопена, но на этомъ роялѣ—это невозможно. Вамъ надо обзавестись новымъ-съ... А пока... вотъ что: не пріѣдете ли вы-съ ко мнѣ? Н-да... Да... (у него явилась привычка говорить да... да!) У меня два рояля, и я могъ бы вамъ сыграть мнооогое,—(протянулъ онъ) и въ два фортепіано, и вообще того, что на этомъ—(онъ ударилъ одну за другой нѣсколько клавишъ, онъ западали) сыграть нельзя... Назначьте день...

Но я запротестовала. Я часто хворала и назначать день концерта внѣ дома боялась; а вдругъ недомоганье помѣшаетъ поѣхать?!. Тогда какъ?..

Милій Алексѣевичъ подумалъ.

— Ну-съ, тогда вотъ я что предложу-съ...—рѣшилъ онъ послѣ молчанія.—Я вамъ пришлю отъ Германа и Гросмана рояль. Думаю, они это сдѣлаютъ для меня... Нѣтъ!.. Вамъ платить ничего не надо будетъ. Только дадите рабочимъ, носильщикамъ... Больше ничего-съ!!.

И онъ сталъ каждый разъ присылать для своего концерта, или, какъ мы выражались,—„приносить на спинѣ“ все различные, но дивные, „бархатно-звучные“ концертные инструменты Блютнера.

Обыкновенно ихъ приносили наканунѣ, настраивали, когда они отогрѣвались, и на слѣдующее утро, послѣ музыкальнаго вечера, уносили.



Тогда, изгнанный въ столовую, старикъ Стейнвей водворился на свое мѣсто.

Приходилъ Балакиревъ, по большей части, около половины девятаго; сначала мы бесѣдовали съ нимъ въ гостиной, при чемъ иногда онъ рассказывалъ моей старшей дочери случаи изъ біографій великихъ композиторовъ.

Такъ я помню, какъ интересно, увлекательно онъ рассказывалъ объ англичанинѣ и Шопенѣ, игрою котораго англичанинъ безгранично восхищался и котораго заперъ на ключъ у себя, въ кабинетѣ, заявивъ, что не выпуститъ его до тѣхъ поръ, пока онъ, — Шопенъ, не научитъ его играть какую-то его, (Шопена) пьесу такъ, какъ онъ играетъ ее самъ!

... Иногда онъ вспоминалъ о своихъ придворныхъ впечатлѣніяхъ, рассказывалъ объ отношеніяхъ къ нему Государя Александра III, котораго онъ глубоко почиталъ.

— Умныхъ людей мало-съ, — говорилъ онъ, — но разумныхъ еще меньше... (Богъ есть высочайшій Разумъ). И Александръ III былъ поразительно разуменъ. Умные люди часто вредны-съ. Разумные все творятъ на благо. Такъ и Александръ III. Это былъ благороднѣйшій монархъ и благороднѣйшій человѣкъ. Посмотрите, какъ онъ воввысилъ Россію, потому что онъ зналъ, чего хотѣлъ, и никогда не измѣнялъ своему слову. И его уважала вся Европа и боялась его. Н-да-да!

Княгиня М. В. Волконская.

*(Продолженіе слѣдуетъ).*

